

Михаил Козлов, Алексей Кошелев, руководители издательства «Языки славянской культуры» (книги по истории, археологии, культурологии, лингвистике)

1. С какой традицией русской культуры вы себя отождествляете?

А.К.: Я отождествляю себя с традицией, воплощаемой в имени Чехова, затем Бунина. Эта традиция русского интеллигента мне очень близка, что вряд ли требует комментариев.

- А в ком или в чем эта традиция сейчас продолжается?

Мне кажется, что в филологических, лингвистических, в какой-то мере – математических научных школах. Не знаю, почему так получилось; может быть, потому, что наука обладает некоторой автономностью от развития общества. В замкнутой обстановке легче передавать традиции, здесь сильно развито ученичество, что также способствует сохранению традиций. Не скажу – развитию: в русской культуре так много было замечательного, что хорошо бы хоть что-то сохранить.

М.К.: Мне кажется, традиции в предложенном вопросе понимания для меня не существует. Я вижу культуру вообще скорее как акт, нежели как то, что после него остается. Мне кажется, культурой следует называть то, что позволяет сделать новый шаг в неизвестном дотоле направлении. Я согласен, что есть некий устойчивый слой продуктов культуры, который служит питанием для жизни, и его социальная роль велика...

- То есть существует прошлое – наследие и культура – шаг в новое...

Наследие это балласт, основание, на котором мы стоим. Я употребляю слово «балласт» не в негативном смысле, а для обозначения того, что придает нам устойчивость. Это всегда исходная точка, но если не удастся сделать новый шаг, значит, нет потенциала культуры в том балласте, на котором мы стоим. Я понимаю культуру как творческий процесс, для меня важно, что из наследия прошлого служит основанием для шага в настоящее.

- Ну, и что же это в русской культуре?

Да очень разное. Главное – восприимчивость. Восприимчивость ко всему новому, будь то, скажем, французская лингвистическая школа или немецкая философия. Если ты воспринимаешь это как русский человек, на языке русской культуры, – значит, это тоже русская культура. Акт восприятия чужого опыта есть акт культуры.

2. Какую эпоху русской культуры вы считаете вершинной и почему?

А.К.: Я считаю вершиной культуру 19-го века, в литературе – от Пушкина до зарождения символизма. Россия в этом веке достигла вершин в разных областях культуры. Великий ученый Дмитрий Менделеев подсчитал в конце 19-го века, что если не будет социальных катаклизмов или войны, Россия в 20-м веке станет первой или второй мировой державой. Но 20-й век оказался для России катастрофическим.

М.К. Присоединяюсь.

3. Как сказались на развитии русской культуры завершение советского периода истории России?

А.К.: Произошло много событий и замечательных, и фатальных. Вряд ли мы можем сейчас дать им оценку. Если же все-таки пытаться оценивать, можно сказать, что возникла иллюзия отсутствия каких бы то ни было запретов, барьеров, а в такой ситуации творчеству нечего преодолевать. Классики, в частности Лотман, утверждали, что один из важных творческих актов заключается в преодолении установленных, признанных обществом норм. Отсюда возникает новое в искусстве. А теперь многие художники оказались в тяжелом положении после советской эпохи, когда приходилось преодолевать очень многое. Возьмем как пример театр Юрия Любимова – он кончился, как только упала стена и возникли другие проблемы.

- Падение театра Любимова началось, кажется, еще до перестройки, пафос любимовского театра еще раньше исчерпал себя, но все равно – сам по себе этот пример яркий.

Вообще считается, что в устоявшихся обществах творческому человеку живется легче, нежели в обществе переходного периода. Правда, во время революции в России возникло замечательное искусство, но корни-то его находились в предреволюционной эпохе.

М.К.: В связи со своим пониманием культуры как акта я думаю, что мы преувеличиваем роль событий, происшедших в последние полтора десятилетия в России. Прежде всего, почему мы ограничиваемся Россией? Мы живем в эпоху, когда ломка происходит всюду и по многим линиям: возьмем мусульманский мир, изменения в облике Европы, резкое изменение позиции США. А Китай, Япония? Да, конечно, российская ломка очень тяжела и трагична для обычного человека, но так ли она важна для собственно культуры? Ломка сказывается на художнике:

ему нужна среда, нужны внимание, ласка, но в конечном счете это не так важно. Культура движется импульсами более глубокими, чем переделы мира, создание ядерных щитов, разборки с Ираком и прочее. Динамика культуры как-то соотносится с происходящим, но она – своя собственная, она меньше зависит от цен на нефть, чем от гениальных прозрений отдельных личностей.

А.К.: Согласен, но хочу уточнить. Достоевский отражал текущее время и брал материал для своих романов из российской действительности. Есть художники, опирающиеся на сегодняшнюю жизнь, и для них наши катаклизмы катастрофичны, потому что они теряют ориентиры. Возьмем российское кино: в нем за последние десять лет не было создано фильмов, равных по качеству фильмам советской эпохи.

- На это кинематографисты отвечают, что кино – самое затратное искусство, а денег им дают мало...

Плохому танцору всегда печка мешает. Фильмов ведь все равно делается много, но при этом даже хорошие старые режиссеры работают хуже.

М.К.: Алексей прав в том отношении, что есть в искусстве слой, особенно тесно связанный с текущей жизнью. Но вот смотрите, в театре тоже денег не хватает, а он развивается весьма успешно. Это подтверждает тезис о собственной динамике искусства.

4. Ощущаются ли изменения в культурной ситуации в связи с приходом нового лидера?

М.К.: Изменения невелики, и здесь речь может идти скорее о психологии нашего восприятия. Появилось ощущение, что где-то стало полегче. Вернее, становится то легче, то труднее: например, сейчас сокращаются государственные субсидии на издательскую деятельность, что осложняет нашу жизнь. По большому же счету – ничего не происходит.

А.К.: Заметно, что в обществе появилась тяга к искусству советского периода. Достаточно посмотреть на репертуар нашего телевидения, где во множестве фигурируют фильмы советской эпохи, от 30-х годов. Мы знаем, что они – лакировка действительности, что все было иначе, но смотрим с удовольствием. И это касается не только фильмов советских, но и, например, фильмов Лени Рифеншталь – замечательный кинематограф, в котором произведение искусства отрывается от мрачной реальности, которую оно отражает. Но это факт общественной психологии, а не факт культуры.

5. Восстанавливается ли по вашему мнению государственная опека культуры и нужна ли она?

А.К.: Безусловно, нужна.

М.К.: А я вот недавно прочел в *Литературной газете* статью Расула Гамзатова, который утверждает: цензура нужна. Это нелепо: писатель требует цензуры!

- Он не для себя ее требует, а для других – он же классик...

М.К.: Нельзя требовать опеки для культуры. Другое дело, что общество должно заботиться о культуре, как должно оно заботиться о детях, о больных, о стариках. Государство само по себе не существует, государство – это общество.

А.К.: Михаил, ты говоришь об идеальной структуре. Никакого общества у нас нет, есть государство и население.

М.К.: Государство – это не чиновники, а надстройка над обществом, нет общества – нет и государства. Раз у нас есть государство, есть и общество. Другое дело, что отношения их ненормальные. Нельзя ставить вопрос, нужна ли цензура. Да, общество должно как-то контролировать произведения искусства, но художник в принципе не может ставить вопрос о цензуре.

- Вы хотите сказать, что необходимо общественное мнение, которое будет заставлять государство выполнять свои функции в отношении культуры...

А.К.: В нашей ситуации это невозможно.

М.К.: Возможно, потому что государство все-таки выделяет какие-то средства на культуру, хотя наверное предпочло бы потратить их иным образом.

- А возьмем близкий нам всем пример – деятельность Российского гуманитарного научного фонда. Он не опекает, а поддерживает культуру. Это хороший, правильный путь, не так ли?

А.К.: Да, РГНФ – это уникальный пример, идеальный вариант отношений, когда государство выполняет свои обязанности по поддержке культуры, но не вмешивается в ее внутренние дела и предоставляет их вершить компетентным людям. В РГНФ специалисты-эксперты решают, какой проект поддержать, а ученые, получившие поддержку, решают, какое издательство выбрать для публикации своих трудов. При этом фонд апробировал какое-то количество издательств и отказался от тех, которые недобросовестно выполняли свои обязанности. РГНФ руководится разумной, взвешенной политикой. Это своего рода полюс по отношению к Академии наук, потому что вообще большая часть государственных средств на

науку идет через Академию. Президиум АН съедает 40 процентов финансирования – средства уходят на зарплату, командировки членов президиума. И вот, Академия изо всех сил борется с фондом, потому что он – независимая научная структура, а АН хочет подмять фонд под себя, чтобы большой финансовый поток пошел через нее. Экспертный совет РГНФ – великолепный, лучший в стране. Есть и другие фонды, но там более зависимая экспертная система. Например, Российский фонд фундаментальных исследований поддерживает математиков, химиков, биологов и т. д. Эти науки более институализированы, нежели гуманитарные, и там получается по-другому: там те люди, которые управляют институтами, те управляют и фондами. Гуманитарии не имеют таких крепких институций, но фонд у них получился объективно относящийся к культурному процессу.

- Мы останавливаемся на этом подробно потому, что вот она – уже созданная модель опеки государства по отношению к культуре.

А.К.: Да, прекрасный пример механизма, который могло бы взять на вооружение государство и в других областях. А РГНФ сегодня стараются съесть, прежде всего директора институтов, руководители Академии наук, которые не могут примириться с тем, что им приходится конкурировать на общих основаниях.

б. Как соотносятся понятия «элитарность» и «народность» в нашу эпоху?

М.К.: Элита – это те, кто делают первый шаг, остальное – приспособление полученных результатов.

А.К.: Но элита воспитывается десятилетиями...

М.К.: Да никто, например, Артюра Рембо не воспитывал. Никто не знает, почему такие люди делают первый шаг. А что до народности – художники ведь живут не в безвоздушном пространстве, они живут среди народа и должны платить народу. Никому не удавалось сделать новый шаг в искусстве, руководясь презрением и ненавистью к тем людям, среди которых он живет. Ницше, может быть, и ненавидел многое в Германии, но он – глубоко немецкий философ.

- То есть Ницше был элитарным философом своего времени, но сегодня каждый немец знает, кто такой Ницше. А существует сейчас народная культура?

М.К.: Культуру трудно увидеть в текущем процессе. Мы видим только фрагменты этого процесса.

- Ваше издательство носит отчетливый научно-элитарный облик. Вы, конечно, сознательно его выстраиваете? Да и как можно бессознательно руководить издательской деятельностью?

М.К.: Тут очень важно соответствие некоему собственному внутреннему ощущению, что интересно именно это. Лучше полагаться на интуицию, чем теоретизировать. Мы, конечно, прислушиваемся ко мнению умных людей, которые появляются в нашем издательстве, но я, например, прежде всего опираюсь на интуицию.

А.К.: Почему вообще возникло наше издательство? В России в 70-е – 80-е годы появились две научные школы мирового значения: семиотическая московско-тартуская (Лотман, Успенский, Иванов, Топоров) и лингвистическая московская (Мильчук, Апресян, Жолковский). Две замечательные школы, которым нельзя было толком печататься в советское время, а потом, после перестройки – негде было печататься. Деконструктивизм тогда захлестнул всю Россию. Оказалось, что эти неизданные классики вроде бы никому не нужны. Мы хотели противостоять разрушительным веяниям и поставили своей задачей издание классических работ наших титанов. Отсюда все пошло. Мы элитарны в том смысле, что издаем высококлассную научную продукцию в гуманитарной области.

7. Понимаете ли вы свою деятельность как служение и в каком смысле?

А.К.: Есть замечательное высказывание грузинского философа Мамардашвили: мысль удерживается, пока мы можем ее держать. Наша издательская деятельность, надеюсь, способствует тому, чтобы мысль удерживалась. Если не будет книг, мысли будет трудно держаться.

8. Какое влияние оказывает на русскую культуру процесс глобализации мирового культурного пространства?

М.К.: Влияние есть, хотя трудно проследить его в динамике творчества. Глобализацию я хорошо ощущаю, например, бывая за границей: между мною, русским, и человеком любой другой нации теперь много общего, экзотики становится все меньше. Я рассматриваю это как положительное явление, как почву для создания новой, не индивидуалистической философии. Процесс сближения людей и народов нуждается в философском понимании, а этим мало занимаются – больше обсуждают экономические, экологические аспекты проблемы. Это важно, но не имеет решающего значения. Мы теперь едим одну еду, одинаково одеваемся, слушаем одну музыку – это надо осмыслить. Между тем, международные организа-

ции принимают какие-то странные, пустые решения. И организации, и люди не готовы к новым условиям жизни...

- То есть вы понимаете настоящую глобализацию как создание новой концепции человека и человечества...

Рождается новый человек, которого не было. Нас уже шесть миллиардов, и процесс не останавливается. Возникают совершенно новые проблемы, а подходы к ним – тривиальные, демагогические. Глобализацию видят там, где ее нет, и решают выдуманные задачи. Глобализацией называют то, что ею не является. Происходит подмена понятий, а это очень опасно.

9. Сложились ли в России новые взаимоотношения церкви и государства и как это сказывается на русской культуре?

М.К.: Я человек верующий, но не исполняющий обряды, и боюсь судить о таких вещах. Мои взрослые дети ходят в церковь, относятся к вере очень серьезно, я уважаю их мнение, приглядываюсь и пытаюсь понять. Я вижу, что церковь во многом помогает им. А вот то, что я вижу в отношениях церкви и государства, представляется мне не новым и не интересным. Я имею в виду не советский период, а всю русскую историю, то, как я представляю себе эти отношения, например, по нашей классической литературе. Думаю, что церковь стала сейчас еще менее самостоятельной по отношению к государству. Мне кажется, что она уклоняется от обсуждения многих важных проблем. Но возможно, что в глубинах церкви происходят какие-то иные, важные процессы, которых я пока не вижу, но которые ощущает молодое поколение, приходящее в церковь. Что касается науки, то среди наших авторов есть ученые, связанные с церковью. Они сейчас получили возможность обсуждать религиозные и церковные темы свободно, непредвзято, что, конечно, сказывается в их трудах.

10. Является ли завершение постсоветской эпохи, совпавшее с концом века и тысячелетия, завершением определенного этапа в развитии русской культуры и можно ли говорить о новых тенденциях?

М.К.: Советская эпоха остается пока неосмысленной, а между тем то, что называют советской культурой (в смысле – наследием), уходит, исчезает вместе с уходящими из жизни людьми. Когда все умрет, историки приступят к его осмыслению. А сейчас надо собирать свидетельства, но мало кто это делает. Что до цифр, то это внешнее. Насилие в России началось не с коммунистов и не кончилось с концом коммунизма. На этом в значительной степени базируется сегодняшний

день: например, то недружелюбие, которое есть в нашем обществе и которое особенно резко ощущается иностранцами, отталкивая их от России. Я уж не говорю о том, что не похоронены по-человечески тысячи жертв сталинских репрессий, не закопаны в землю тела солдат, погибших во Второй мировой войне. Эти мертвецы, эта идея безграничного насилия, которое остается ненаказанным, смерть, которая не заканчивается отпеванием и похоронами, – все это еще долго будет отравлять нашу жизнь. Есть важный психологический, человеческий аспект: пока я знаю, что отец – пусть не мой, а чей-то отец – лежит незакопанный, как можно жить? Надо найти, похоронить, поставить памятник. Нельзя избавляться от советского времени, надо пережить его. Если мы его не переживаем, оно не кончается и будет всплывать снова и снова.